

ПАРТИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА, МОТИВАЦИИ И МОБИЛИЗАЦИЯ

В.В. Сафронов

(vsafronov@list.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Сафронов В.В. Участие в выборах Государственной Думы: социальные неравенства, мотивации и мобилизация // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 2. С. 121–169.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.6>
EDN ANXPUL

Аннотация. *Рассматривается проблема активности российских граждан на выборах Государственной Думы РФ 2016 г. Исследование опирается на теоретические представления о зависимости электорального участия индивидов от ресурсов-мотивации-мобилизации, а повышенной явки в административных единицах — от мобилизации избирателей политическими машинами. Эмпирические данные, собранные в российском репрезентативном опросе по программе Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS, январь-март 2017 г.), исследуются с помощью статистических методов логистического регрессионного анализа. Результаты соотносятся с закономерностями, проявляющимися в ряде стран Центральной, Восточной и Западной Европы, в которых также проводились национальные опросы по программе ESS (Round 9). Согласно выявленным фактам, электоральная активность в России, как и в посткоммунистических европейских странах, хорошо объясняется с помощью ключевых переменных, составляющих базовую теоретическую модель, сформулированную в исследованиях западных демократий. Так,*

активность на думских выборах увеличивается с возрастом, снижаясь среди самых пожилых, и при повышении образовательного уровня, выше у избирателей, имеющих связи с добровольными ассоциациями. Важную роль играют политические мотивации, побуждая к участию людей, интересующихся политикой, уверенных в открытости политической системы влиянию граждан и доверяющих Государственной Думе. Самый сильный фактор — партийная идентификация. Голосовать ходят те, кто способен выделить среди политических партий близкую организацию. Кроме того, в нашей стране повышенное участие в думских выборах было характерно для жителей села и работников государственных предприятий, общественного сектора и управленческих структур, что подтверждает теоретические положения о мобилизации властями зависимого населения. Однако предполагаемого влияния важнейшего в теории фактора, указывающего на принадлежность к этническим меньшинствам и регионам, обнаружить не удалось. В то же время большую электоральную активность на селе и в государственном-общественном секторах можно обнаружить не только в некоторых полудемократических посткоммунистических режимах, но и в развитых западных странах, объяснение чему следует, вероятно, искать за рамками представлений о воздействии на политическое поведение машинной мобилизации.

Ключевые слова: электоральное участие, Россия, выборы Государственной Думы, социальные неравенства, мотивации, партийная идентификация, мобилизация, Европейское социальное исследование (ESS).

ПРОБЛЕМА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО УЧАСТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ

Научная проблема, возникающая при изучении участия граждан в голосовании на выборах, — необходимость объяснения того, почему одни люди ходят на них, а другие — нет, отчего в определенные периоды голосует больше избирателей, чем в иные, и в чем причины большей явки в одних странах или регионах и меньшей — в других. Эта проблема систематически анализировалась в исследованиях западных демократий, а в последние тридцать лет их дополнили работы, в которых рассматривались страны Центральной, Восточной Европы и Россия (обзор см.: [Сафронов 2022]).

Многочисленные факты, полученные в стабильных демократиях, позволили выработать разделяемые научным сообществом представления об основных причинах электоральной активности [Blais 2007; Blais, Dassonneville, Kostelka 2020; Dalton 2017; Dinas 2018; Plutzer 2018;

Wass, Blais 2017], хотя признается, что на нее могут оказывать влияние и многие другие факторы [Smets, van Ham 2013]. Согласно общей теоретической модели, на индивидуальном уровне участие в выборах предполагает наличие ресурсов, обеспечиваемых социально-экономическим статусом, мотивации, побуждающей избирателя голосовать, и условий, способствующих его мобилизации. Оно повышается с образованием, дающим знания и аналитические навыки, облегчающие понимание политических коллизий, и растет с возрастом (снижаясь у самых пожилых) по мере формирования жизненных интересов, усвоения гражданских норм и присоединения к сообществам, в которых разделяется убеждение о важности голосования. Другие мотивации электоральной активности связаны с приверженностью индивида нормам гражданского долга, интересом к политике, его уверенностью в восприимчивости политической системы к требованиям граждан и в своей способности оказывать на нее влияние, а также сформировавшуюся привычку к голосованию. Кроме того, привлечение избирателей к выборам осуществляется с помощью мобилизации, которой способствуют их вовлеченность в потоки информирования СМИ, сети отношений с другими людьми и вхождение в добровольные ассоциации, такие как политические партии и профсоюзы. Так, модель основных детерминант электорального участия, представленная в недавнем исследовании выборов разного уровня в западных демократиях, свидетельствует, что оно, нарастая с возрастом и образованием, зависит прежде всего от двух общих мотивационных диспозиций — интереса индивида к политике и чувства гражданского долга, а также от двух более конкретных представлений — обеспокоенности результатами выборов и уверенности, что проголосовать нетрудно [Blais, Daoust 2020]. Важное значение в теории придается партийной идентификации [Campbell et al. 1980: Chapter 6; Dalton 2021; McAllister 2020]. Она облегчает оценку политических проблем, событий, кандидатов и вовлекает граждан в проведение кампаний и выборы, а также определяет избирательные предпочтения и стабилизирует паттерны голосования и партийную систему. Электоральное участие зависит и от общественного контекста [Blais 2006; 2007; Cancela, Geys 2016; Franklin 2004; Geys 2006; Martinez 2010; Stockemer 2017] — явке способствуют большая значимость выборов и электоральные институты, требующие обязательного участия, обеспечивающие простоту избирательной процедуры и партийную конкуренцию. Она выше, если на предшествующих выборах показатель участия был высоким,

что указывает на значение укоренившихся паттернов политического поведения, а также — при значительных расходах на избирательную кампанию, высоком благосостоянии и небольших размерах страны, стабильном населении и меньшем представительстве меньшинств, свидетельствующих о социальных связности и контроле. Наконец, теоретическая модель предполагает, что неравенства индивидуального уровня могут усиливаться в неблагоприятных контекстах и сглаживаться при благоприятных условиях [Banducci, Karp 2009; Gallego 2015; Kittilson and Anderson 2011; Solt 2008].

В странах Центральной, Восточной Европы электоральная активность избирателей объяснялась в общем теми же социально-структурными и аттитудными переменными, что и в стабильных демократиях, как сходными были и важные контекстуальные факторы [Birch 2013; 2018; Kostadinova 2003; Kostelka 2014; Northmore-Ball 2016; Pacek, Pop-Eleches, Tucker 2009]. Так, в 1990-е и 2000-е годы явка постепенно сокращалась, оказавшись заметно ниже, чем в Западной Европе, вследствие уменьшения значимости выборов, вызванного затуханием первоначальной демократической эйфории, утратой иллюзий людьми с невысоким статусом и нарастанием политического недовольства из-за трудностей жизни. Она была выше на президентских по сравнению с парламентскими выборах, в избирательных системах с пропорциональным представительством и ниже при ухудшении ситуации в экономике — инфляции, безработице, замедлении роста (а также в странах, входивших прежде в Советский Союз, по-видимому, в силу большего укоренения в них недемократической культуры). Снижению электоральных неравенств по образованию способствовали избирательные институты, упрощающие голосование, и членство в профсоюзах, мобилизующее избирателей с ограниченными ресурсами.

Результаты изучения российских выборов только отчасти согласуются с западной теоретической моделью. Электоральная активность в России связана не только с характеристиками избирателей, она зависит и от давления на них со стороны властей, осуществляющих мобилизацию и контроль за голосованием с использованием политических машин.

Согласно исследованиям индивидуальных различий, участие в выборах ГД в 1990-е годы, как и в западных демократиях, нарастало с возрастом (снижаясь среди самых пожилых), при повышении образования и наличии связей с социальным окружением, а неучастие было обуслов-

лено отсутствием у человека интереса к политике и конкретным выборам и его уверенностью, что голосование ничего не изменит, а также недоверием властям и сомнением в справедливости выборов [Colton 2000]. Основные мотивы неучастия в выборах ГД 2003, 2007 и 2011 гг., по данным Левада-Центра [Гудков, Дубин, Зоркая 2012], — это недоверие политикам, невозможность повлиять на результаты и предопределенность победы партии власти. В опросе ВЦИОМ накануне выборов в ГД 2007 г. мотивация участия выяснялась с помощью открытых вопросов: постоянные избиратели, как оказалось, руководствуются чувством гражданского долга, стремлением поддержать свою партию и повлиять на политику, а склонные к абсентеизму признавались, что не интересуются политикой и выборами, что их голос не может изменить результаты, которые будут сфальсифицированы, и что ни одна партия им не нравится [Кулагина 2007]. Абсентеизм на федеральных российских выборах, проводившихся с 1993 по 2018 г., был обусловлен, по материалам ВЦИОМ и Левада-Центра [Алексеев 2018; Алексеев, Абрамов 2016; 2018], при избрании президента низким интересом к политике и отсутствием конкуренции с действующим главой государства, а на парламентских выборах — их меньшей значимостью по сравнению с президентскими, ухудшением социально-экономической обстановки, недоверием депутатам и неверием в возможность перемен посредством парламента, а также неудачным временем проведения и плохой погодой. Согласно другому заключению, опирающемуся на результаты ВЦИОМ, Левада-Центра, Ромир и др., электоральный абсентеизм в России связан с отчуждением общества от власти, безразличным отношением граждан к политическому процессу и демократическим процедурам, которое подкрепляют авторитарная политическая культура и уверенность избирателей, что на формирование выборных институтов и решения властей повлиять невозможно [Милаева, Сиушкин, Андросова 2017]. Вероятность голосования на выборах ГД 2016 г., по данным проведенного вслед за ними общероссийского опроса, повышалась при наличии у граждан социоэкономических ресурсов, их мобилизации благодаря связям с гражданским обществом и уверенности избирателей в честности голосования и осмысленности выбора, что вновь напоминает зависимости в западных демократиях [McAllister, White 2017]. Причем участие было сильнее всего связано с поддержкой избирателями политических партий, а также нарастало с возрастом и при уверенности человека, что его голос имеет значение, и одобрении президента

В.В. Путина (в сочетании с представлением о честности проведения выборов), но, вопреки известным закономерностям, не зависело от образования.

В отличие от стабильных западных демократий, где электоральная политика характеризуется конкуренцией партийных программ, в неконсолидированных демократиях и электоральных автократиях существенную роль играют политические машины, патрон-клиентские отношения — участие в выборах и поддержка избирателями кандидатов от власти обмениваются на приватные блага — деньги, рабочие места, социальные услуги [Kitschelt, Wilkinson 2007; Gandhi, Lust-Okar 2009]. Эти вопросы изучались в другом направлении российских исследований, посвященных различиям явки на региональном и районном уровнях. Согласно полученным результатам, региональные политические машины, интегрированные впоследствии в организационные структуры Единой России, действительно осуществляли мобилизацию избирателей, находящихся в зависимом от властей положении, — тех, кто получал от государства социальные услуги, работников государственных секторов, включая врачей и учителей, а также сельского населения и жителей этнических регионов, используя для этого как материальные поощрения, так и угрозы наказания (Allina-Pisano 2010; Golosov 2013; Hale 2003; 2007; Hutcheson, McAllister 2018; Panov, Ross 2016; Saikkonen 2017; White, Saikkonen 2017; Tkacheva, Golosov 2019; Turovsky, Korneeva 2018). Отмечается, что конфликты в региональных элитах и поддержка руководством национальных республик политики центральных властей, вызывающей недовольство избирателей, способны вызывать сбой в работе таких машин [Сироткина, Карандашова 2017; Шкель 2019].

Большие региональные и районные значения явки, однако, могут свидетельствовать не только о работе политических машин, но и о фальсификации результатов выборов — последние, как правило, обнаруживаются там же, где, как предполагается, действует машинная мобилизация. Сложности организации контроля за честностью выборов в условиях жесткого регионального авторитаризма, отличающего многие национальные административные образования, и на сельских избирательных участках открывают перед властями возможности искажения электорального процесса [Goodnow, Moser, Smith 2014; Moser, White 2017; Myagkov, Ordeshook 2008]. В то же время существование машинной политики подтверждается на индивидуальном уровне. Так, опросы руководителей и работников предприятий об избрании ГД

2011 г. показывают, что важнейший локус экономического принуждения, где осуществляется мобилизация работников на выборы, — предприятия, отличающиеся большими размерами, экономической зависимостью от государства, недвижимыми активами (в тяжелой промышленности, добывающих отраслях, сельском хозяйстве), наличием ресурсов по обеспечению работников социальными благами, при слабой конкуренции на рынке труда, а также поддержке высшим менеджментом «Единой России». Опросные эксперименты и материалы нарушений на выборах 2011–2012 гг. продемонстрировали, что власти через работодателей (например, в моногородах) прибегают не только к подкупу, но и еще чаще к запугиванию избирателей (угрозы увольнения, понижения в должности или урезания заработной платы и социальных благ) [Frye, Reuter, Szakonyi 2014; 2019a; 2019b]. Как следует из материалов общероссийских опросов, экспертных интервью и фокус-групп в национальных республиках, нацеленных на объяснение высокой явки, политическая лояльность в них отражает прежде всего позиции сельских избирателей и связана с институциональными возможностями мониторинга и контроля местными властями их электорального поведения [Шкель, Щербак, Ткачева 2022].

Обобщая исследования российских электоральных неравенств, отметим, что некоторые важные вопросы остаются недостаточно изученными. Выявленные индивидуальные различия не противоречат западной теоретической модели, свидетельствуя о важности ресурсов, мотивации, мобилизации. При этом не уделялось должного внимания социальному структурированию участия в выборах, возможно в силу невыразительности таких отличий, а мобилизация обсуждалась преимущественно в связи с работой политических машин, и роль партий, организаций гражданского общества и социальных сетей остается малоисследованной. Основные факторы дифференциации электоральной активности, обсуждаемые в научной литературе, относятся к мотивациям. Согласно общему мнению, абсентеизму потенциальных избирателей способствуют отсутствие интереса к политике и политическое отчуждение — недоверие властям, политикам и демократическим институтам, невосприимчивость политической системы к предпочтениям граждан и их неспособность повлиять на политические решения. Однако убедительных подтверждений этого мнения, полученных с использованием релевантных статистических методов, не считая отдельных исключений, не приводится. Неясной остается и относительная значимость структурных, мотивационных и мобилизационных факто-

ров. Наконец, полученные при анализе агрегированной региональной и районной статистики выводы о задействовании политических машин по отношению к зависимым от властей избирателям заслуживают дополнительной проверки при обращении к индивидуальным данным, начатой, в частности, опросными экспериментами. В настоящей работе предпринимается попытка восполнения некоторых из отмеченных лакун.

ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В представленном исследовании рассматривается проблема электорального участия российских граждан в выборах Государственной Думы РФ (ГД) 2016 г., предполагающая прояснение вопроса о том, кто и почему голосовал на этих выборах.

Явка на них оказалась самой низкой среди всех федеральных выборов постсоветской истории (официально 47,88 %) и сильно отличалась в регионах страны — очень высокие показатели были зафиксированы в национальных республиках и автономных округах, где отчетливо проявляется административное вмешательство, и невысокие — в областях и республиках, которые были менее ему подвержены, что обеспечило доминирование в ГД «Единой России» (54,2 % голосов, обеспечивших 76 % парламентских мест). Независимые эксперты полагают, что реальная явка и доля голосов за эту партию были существенно ниже, согласно оценкам С. Шпилькина, 36,9 и 40,5 % соответственно [Шпилькин 2016]. На результаты голосования, как отмечают исследователи [Мамонов, Гаврилов, Вядро 2019; Кунев 2017; Rogov 2016], существенное влияние оказали институциональные изменения электоральной системы, осуществленные властями между выборами. Невысокая явка стала следствием разнесения во времени избрания парламента и президента; сужения для избирателей возможностей политического выбора и влияния, вызванного изменением законодательства — возвращением смешанной избирательной системы, новыми требованиями по регистрации партий и кандидатов и контролю за волеизъявлением, не устранившими фальсификаций и позволившими ограничить пассивное избирательное право и отстранить противников режима. На снижение явки повлияла и слабая конкуренция между системными партиями, установившими неформальные альянсы с властями, и вялое проведение ими кампаний и обсуждения в СМИ на фоне широкой

общественной поддержки внешней политики и присоединения Крыма. Перенос срока на сентябрь также привел к демобилизации избирателей, особенно в городах, которые были настроены к властям более оппозиционно. При невысокой явке и демобилизации граждан, не склонных голосовать, складываются благоприятные условия для исследования интересующей нас проблемы политических неравенств — расслоение электората становится более отчетливым, чем при участии в выборах преобладающего большинства избирателей.

Теоретическими основаниями работы выступают описанные ранее западная модель электоральной активности, учитывающая ресурсные, мотивационные и мобилизационные факторы, и концепция мобилизации властями избирателей с помощью политических машин. Основные задачи предполагают, во-первых, проверку предположений о более вероятном участии в выборах избирателей, обладающих ресурсами, которые обеспечивают высокий социально-экономический статус и зрелый возраст, а также, возможно, другие особенности социальной демографии. Во-вторых, прояснение вопроса о том, как влияет на электоральную активность мотивация — снижается ли она при низком интересе людей к политике и отчуждении от нее вследствие недоверия властям и демократическим институтам и способствует ли участию партийная идентификация. В-третьих, анализ соображений о зависимости участия в голосовании от условий, способствующих мобилизации индивида, — его связей с организациями гражданского общества. При этом предполагается также выяснить, насколько правдоподобными при анализе данных индивидуального уровня являются соображения о задействовании властями политических машин — мобилизации зависимого от них и им подконтрольного электората, включая работников государственных секторов экономики и оказания услуг населению, сельских жителей и этнических меньшинств. Наконец, четвертая задача — соотнести полученные трактовки электорального участия в России с тем, как оно объясняется в Центральной, Восточной и Западной Европе, и установить, насколько политическое поведение в европейских странах обусловлено сходным набором факторов и какие из них и где являются определяющими. Для подтверждения предположений о мобилизации в нашей стране зависящего от властей электората посредством политических машин, предполагается выяснить, как такие избиратели ведут себя в других неконсолидированных и консолидированных демократиях — там, где можно предполагать существование политических машин и где электоральная политика определенно является программной.

Решение этих задач осуществлялось с помощью анализа данных репрезентативных национальных опросов, собранных по программе Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS¹): Россия, где выборы Государственной Думы состоялись в сентябре 2016 г., рассматривалась по материалам восьмого раунда, опрос проводился через несколько месяцев после проведения выборов (в январе, феврале и отчасти в марте 2017 г.), а другие страны — по сведениям, полученным в девятом раунде в 2018–2019 гг.

С целью выяснения, кто участвовал в парламентских выборах, респондентам ESS предлагалось ответить на следующий вопрос анкеты: «Некоторые люди по разным причинам не принимают участие в выборах. Скажите, пожалуйста, вы голосовали на последних выборах в Госдуму [парламент (нижнюю палату)] в сентябре 2016 г. [дата]? 1). Да, 2). Нет, 3) Не имел(а) права голосовать». В настоящем исследовании рассматривается массив данных, характеризующий респондентов, имеющих право голоса. Основная зависимая переменная — это дихотомия, отделяющая тех, кто голосовал (значение «1»), от людей, не участвовавших в выборах (значение «0»).

Независимые переменные были представлены в соответствии с проверяемыми теоретическими представлениями следующими категориями:

ДЕМОГРАФИЯ И РЕСУРСЫ

1. Пол

0 — Женщины

1 — Мужчины

2. Возраст, измеренный в годах, а также укрупненно шестью градациями

1 — до 30 лет

2 — 30–39

3 — 40–49

4 — 50–59

5 — 60–69

6 — 70 лет и старше

3. Образование, в годах — сумма лет, в течение которых респондент учился в формальных образовательных учреждениях (школе, училище, колледже, институте, университете, аспирантуре и т.п.). Кроме того,

¹ URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 28.11.2022).

в семи градациях, соответствующих Международной стандартной классификации образования (версия ES-ISCED, International Standard Classification of Education, разработанная для Европейского социального исследования¹)

1 — Ниже неполного среднего (ES-ISCED I, less than lower secondary)

2 — Неполное среднее (ES-ISCED II, lower secondary)

3 — Среднее, нижний уровень (ES-ISCED IIIb, lower tier upper secondary)

4 — Среднее, верхний уровень (ES-ISCED IIIa, upper tier upper secondary)

5 — Продвинутое профессиональное (ES-ISCED IV, advanced vocational, sub-degree)

6 — Высшее, нижний уровень, степень бакалавра (ES-ISCED V1, lower tertiary education, BA level)

7 — Высшее, верхний уровень, степень магистра и выше (ES-ISCED V2, higher tertiary education, >= MA level)

4. Оценка уровня доходов, «Какое из высказываний на этой карточке наиболее точно описывает уровень дохода вашей семьи в настоящее время?»

1 — Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений

2 — Этого дохода нам в принципе хватает

3 — Жить на такой доход довольно трудно

4 — Жить на такой доход очень трудно

МОТИВАЦИИ

5. Интерес к политике, «Насколько вы интересуетесь политикой?»

1 — Совсем не интересуюсь

2 — Мало интересуюсь

3 — В некоторой степени интересуюсь

4 — Очень интересуюсь

6. Открытость политической системы влиянию граждан (external efficacy), индекс, среднее арифметическое значение шкальных оценок, соответствующих ответам на два анкетных вопроса: «В какой мере, на ваш взгляд, нынешняя политическая система в России позволяет таким людям, как вы, сказать свое слово в решении о том, в каком направлении действовать правительству?» и «В какой мере, на ваш взгляд,

¹ ESS8. Appendix A1: Education. 2016. URL: https://stessrelpubprodwe.blob.core.windows.net/data/round8/survey/ESS8_appendix_a1_e02_3.pdf (дата обращения: 28.11.2022).

нынешняя политическая система в России позволяет таким людям, как вы, влиять на политику?» с градациями ответов «1. Совсем нет, 2. Очень мало, 3. В некоторой степени, 4. Много, 5. Очень много».

7. Доверие парламенту, «Скажите, пожалуйста, насколько вы лично доверяете разным группам людей или организациям, которые я буду вам называть? Для ответа используйте шкалу от 0 до 10, представленную на этой карточке. «0» означает, что Вы совершенно не доверяете этой группе людей или организации, а «10» — что вы им полностью доверяете». <...> «Госдума России»

8. Партийная идентификация, «Есть ли такая политическая партия, которая вам ближе, чем все остальные партии?»

0 — Нет

1 — Есть

МОБИЛИЗАЦИЯ

9. Членство в профсоюзе

0 — Нет

1 — Да, состою сейчас

10. Работа в общественной организации, участие за последние 12 месяцев в работе политической партии, группы, движения или какой-либо другой общественной организации, объединения

0 — Нет

1 — Да

11. Место жительства (по описанию респондента)

1 — деревня, село, ферма или отдельный дом в сельской местности

2 — Небольшой город, поселок городского типа

3 — Крупный город, его пригороды

12. Место работы, «К какому из перечисленных здесь типов относится ваша организация?»

1 — Органы государственной власти или местного самоуправления

2 — Бюджетная организация или учреждение (например, школа, поликлиника и т.п.)

3 — Государственное коммерческое предприятие

4 — Работаю на себя/ индивидуальный предприниматель

5 — Частная компания

13. Принадлежность к этническим меньшинствам, «Принадлежите ли вы к какой-нибудь другой национальной группе, кроме русских?»

0 — Нет

1 — Да

Анализ влияния независимых переменных на электоральное участие проводился с помощью статистического метода множественной логистической регрессии. Номинальные и порядковые признаки рассматривались в соотнесении с референтными категориями, а шкалы преобразовывались так, чтобы градации располагались между полюсами «0» и «1», вследствие чего регрессионные коэффициенты для них свидетельствуют о различиях электоральной активности между теми, кто обладает фиксируемым шкалой свойством в минимальной и в максимальной степени.

Дескриптивные статистики для анализируемых данных приводятся в таблицах 1a и 1b (для устранения ошибок выборки исходные данные взвешены, как рекомендуется в методологических указаниях Европейского социального исследования, переменной *dweight*; о взвешивании в ESS см.: [Kaminska 2020]). Некоторые особенности российского электората обращают на себя внимание. Он достаточно хорошо образован — лишь 8 % выборки составляют респонденты с неполным средним или еще более низким образованием, тогда как о среднем специальном и о высшем сообщают по трети опрошенных. Уровень жизни в восприятии наших сограждан оказался весьма низким: только 14 % говорят, что доходы позволяют им жить без материальных затруднений, а половина признается — на них трудно сводить концы с концами. Большинство проживает в крупных городах, и около четверти выборки — на селе. В частном секторе экономики занята большая часть работников (58 %), но многие работают и в государственных учреждениях (образование, медицина) (23 %), на государственных предприятиях (14 %) и в органах управления (5 %). Доля этнических меньшинств в выборке (17 %) близка к показателю для генеральной совокупности. Немногие респонденты сообщали о членстве в профсоюзах (12 %), еще меньше признавались, что работали в течение последнего года в добровольной общественной организации (7 %).

Невысокая явка на парламентских выборах в странах Центральной, Восточной Европы может свидетельствовать о неразвитости партийной идентификации, вызванной непродолжительным сроком существования демократической системы, затрудняющим партийную социализацию новых поколений, а также многочисленностью партий и краткостью существования многих из них, высоким уровнем недоверия политикам, партиям, парламентам. Действительно, опросы говорят о сравнительно низкой партийной идентификации в российском обществе по сравне-

Таблица 1а

Дескриптивная статистика: категориальные переменные

ПЕРЕМЕННЫЕ	N	%	ПЕРЕМЕННЫЕ	N	%
УЧАСТИЕ В ГОЛОСОВАНИИ	2258		МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА	2253	
Нет	996	44	Сельская местность	531	24
Да	1263	56	Небольшой город	754	33
ПОЛ	2258		Крупный город, пригороды	968	43
Женщины	1256	56	РАБОТА (СЕКТОР)	1982	
Мужчины	1003	44	Центральные, местные органы власти	89	5
ВОЗРАСТ	2258		Общественный (образование, медицина)	452	23
до 30 лет	455	20	Государственное предприятие	274	14
30–39	461	20	Самостоятельная занятость	127	6
40–49	419	19	Частная фирма	1041	52
50–59	390	17	ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	2234	
60–69	304	14	Русские	1854	83
70 лет+	229	10	Меньшинства	381	17
ОБРАЗОВАНИЕ	2258		ЧЛЕНСТВО В ПРОФСОЮЗЕ	2244	
Не выше начального	31	1	Нет	1974	88
Неполное среднее	146	7	Да	270	12
Полное среднее	499	22	РАБОТА В ОБЩЕСТВ. ОРГАНИЗАЦИИ	2235	
Среднее специальное	780	35	Нет	2071	93
Высшее, бакалавриат	67	3	Да	164	7
Высшее, магистратура+	735	32	ПАРТИЯ, КОТОРАЯ БЛИЖЕ ДРУГИХ	2108	
ОЦЕНКА УРОВНЯ ДОХОДОВ	2178		Нет	1254	59
Живем без затруднений	306	14	Есть	854	41
Дохода хватает	779	36			
Трудно	943	43			
Жить очень трудно	150	7			

Таблица 1b

Дескриптивная статистика для непрерывных переменных

ПЕРЕМЕННЫЕ	N	Min	Max	Mean	Std. Dev.
ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ	2251	0	1	0.48	0.30
ОТКРЫТОСТЬ СИСТЕМЫ ВЛИЯНИЮ ГРАЖДАН	2232	0	1	0.22	0.20
ДОВЕРИЕ ПАРЛАМЕНТУ	2166	0	1	0.42	0.27

нию с развитыми демократиями (даже с учетом ее ослабления, начавшегося в 1970-е годы): после выборов ГД 2016 г. о поддержке политической партии сообщали только 27 % респондентов, в 2000-е годы этот показатель колебался между 20 и 30 % с небольшим, заметно опустившись с конца 1990-х, когда он достигал пятидесятипроцентного значения (Hutcheson, McAllister 2017: 460, fig. 2). Тем не менее, отмечается в указанной статье, от выборов к выборам наблюдалось постепенное формирование привычных способов голосования — за несколько месяцев до их проведения все больше избирателей знали, как будут голосовать.

Наш анализ опросов ESS 2018–2019 гг. свидетельствует, что показатели партийной идентификации (есть ли у респондента партия, которая ближе других, а не поддержка той или иной из них) в самом деле были невысокими во многих посткоммунистических странах — Литве (29 %), Латвии (32 %), Сербии (33 %), Черногории (35 %) и Польше (36 %). Россия со значением 41 % (существенно выше индикатора поддержки партии), а также Чехия, Эстония, Болгария и Венгрия, в которых этот показатель также был выше сорокапроцентной отметки, занимают середину ранжированного списка стран, тогда как наверху располагаются Швеция (74 %), Норвегия (68 %), Португалия (67 %), Швейцария (61 %), затем идут Испания (60 %), Финляндия, Нидерланды и Германия (по 56 %). Несмотря на заметные отличия между стабильными и новыми демократиями, в некоторых посткоммунистических странах у заметной части граждан все же сложились представления о близких им политических партиях. В России, хотя она и уступает по распространенности партийной идентификации западным демократиям, отличия от некоторых из них не такие большие, как можно было бы ожидать. Согласно сегодняшним теоретическим представлениям, для формирования партийной идентификации необязательно требуется длительный промежуток времени и смена нескольких поколений, как предполага-

лось в первоначальной трактовке этого понятия, связывающей ее с аффективной привязанностью к определенной политической партии, которая возникает в ходе семейной социализации [Campbell et al. 1980]. В теории рационального выбора признается, что идентификация может постепенно меняться по мере накопления опыта, отражающего ретроспективные оценки партийной политики [Fiorina 1981]. Как заключает обсуждение этой проблемы Р. Джонстон, партийная идентификация определяет мнения и ценности, восприятие результатов работы кандидатов и их оценку, а также голосование, и при этом сама она не остается неизменной, а сила ее влияния может варьировать [Johnston 2006]. На укрепление партийной приверженности в нашей стране повлияла, вероятно, и стабилизация в 2000-е годы партийной системы — в Государственной Думе и законодательных собраниях регионов были представлены, как правило, одни и те же четыре партии.

Дескрипции для мотивационных переменных, приведенные в таблице 1b, подтверждают факты, указывающие на политическую апатию и отчужденность наших сограждан. Так, по данным А. Левинсона, преобладающее большинство в России считают, что «они никак не могут повлиять на происходящее в стране» (68 %) и «не чувствуют никакой ответственности за то, что происходит в стране» (60 %), более половины признавались, что не интересуются политикой, а две трети — что мало о ней знают и не могут на нее повлиять [Levinson 2019: 43, 46]. Согласно нашим результатам, в России 49 % мало интересуются политикой, более 70 % считают, что политическая система лишь в очень незначительной степени позволяет гражданам влиять на политику, и меньше половины склонны хоть сколько-нибудь доверять Государственной Думе.

Получаемые в опросах сведения об участии в парламентских выборах, как правило, на несколько процентных пунктов превышают официальную статистику. Такое расхождение, как видно в таблице 1a, наблюдалось и в России — по данным ESS явка оказалась на 8 % выше, чем объявленная Центризбиркомом. Это искажение устранялось при анализе взвешиванием опросных данных с помощью сконструированной нами переменной, вводящей соответствующие весовые коэффициенты для респондентов, участвовавших в выборах и не голосовавших на них.

ВЫБОРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ НЕРАВЕНСТВА

Зависимости между участием в выборах Государственной Думы в 2016 г. и положением индивида в демографической и социальной структурах представлено в таблице 2, содержащей три логистические регрессионные модели. В первой для объяснения используются два демографических фактора — пол и возраст. Половые особенности мало сказываются на электоральном участии — доли мужчин и женщин, которые ходили голосовать, практически не различаются. Наблюдается отчетливое нарастание избирательной активности с возрастом, что согласуется с надежно установленными в других странах закономерностями. Самой низкой она была у респондентов из младшей возрастной категории — от 18 до 30 лет, самой высокой — среди 60–69-летних, а после 70 лет наблюдалось некоторое ее снижение. У этой модели достаточно скромные объяснительные возможности (Nagelkerke $R^2=0.08$).

Объяснение немного улучшается ($R^2=0.10$) во второй модели, где наряду с демографическим расслоением учитывались различия по социально-экономическому статусу. В согласии с ресурсным пониманием на выборы заметно чаще приходят образованные избиратели, получившие среднее специальное или высшее образование, и реже те, у кого оно было начальным или неполным средним (правда, эти категории немногочисленны). Несколько чаще голосовали также граждане с более высоким уровнем жизни, указавшие, что доходы позволяют им жить, не испытывая материальных затруднений.

Дополнительный набор структурных факторов, включающий различия мест жительства и работы, а также этнической идентичности, анализируется в модели 3 (показатель Nagelkerke еще немного улучшается, $R^2=0.13$). Наряду с регрессионными коэффициентами (столбец «а») приводятся и доли участвовавших в выборах респондентов, рассчитанные по модели для каждой из рассматриваемых социальных категорий (столбец «б»). Отмеченные выше различия оказались достаточно заметными. Так, после контроля всех структурных дифференциаций в младшей группе, включающей респондентов до 30-летнего возраста, на выборы ходили всего лишь 28 % имеющих право голоса, тогда как в старших категориях — в два раза больше, около 60 %. Только 27 % участвовали в голосовании среди немногочисленной группы получивших в лучшем случае начальное образование и 39 % среди тех, у кого

оно было неполным средним, а в категориях хорошо образованных, имеющих дипломы средних специальных училищ, техникумов, колледжей и вузов, их доля приближается к 60 %. При недостатке материальных ресурсов, когда жизнь становится очень трудной, показатель избирательной активности равняется 39 %, а среди тех, у кого доходы позволяют жить без материальных затруднений, он повышается до 58 %.

Таблица 2

Участие в выборах ГД: демографические и социальные различия

ПЕРЕМЕННЫЕ	Модель 1	Модель 2	Модель 3	
			а	б
Константа	0.35**	0.55**	-0.24	
ПОЛ				
Мужчины	0.07	0.07	0.02	0.47
Женщины				0.46
ВОЗРАСТ				
до 30 лет	-1.25***	-1.51***	-1.28***	0.28
30–39	-0.78***	-1.06***	-0.90***	0.37
40–49	-0.45**	-0.70***	-0.51**	0.46
50–59	-0.28	-0.50**	-0.42*	0.48
60–69	0.24	0.10	0.20	0.63
70 лет+				0.59
ОБРАЗОВАНИЕ				
Не выше начального		-0.96**	-1.27**	0.27
Неполное среднее		-0.56**	-0.73***	0.39
Полное среднее		-0.41***	-0.50***	0.45
Среднее специальное		-0.03	-0.01	0.57
Высшее, бакалавриат		0.10	0.04	0.58
Высшее, магистратура+				0.57
ОЦЕНКА УРОВНЯ ДОХОДОВ				
Живем без затруднений		0.62**	0.75***	0.58
Дохода хватает		0.26	0.36*	0.48

Трудно		0.08	0.07	0.41
Жить очень трудно				0.39
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА				
Сельская местность			0.67***	0.55
Небольшой город			0.40***	0.48
Крупный город, пригороды				0.38
РАБОТА, СЕКТОР				
Центральные, местные органы власти			0.59*	0.56
Общественный сектор (образование, медицина)			0.35**	0.50
Государственное предприятие			0.40**	0.52
Самостоятельная занятость			-0.31	0.34
Частная фирма				0.42
ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ				
Меньшинства			-0.27*	0.43
Русский				0.50
Nagelkerke R Square	0.078	0.099	0.132	
N	2299	2214	1952	

В клетках таблицы — коэффициенты логистических регрессий (модели 1, 2, 3а) и доли избирателей по социальным срезам (вычисленные в модели 3б с помощью Generalized Linear Models). Зависимая переменная — участие (1) / неучастие (0) в выборах ГД 2016 г. (среди имеющих право голоса), независимые переменные — курсивом выделены референтные категории. Уровни значимости *** 0.001, ** 0.01, * 0.05

Рассмотрение в третьей модели дополнительных факторов позволяет косвенным образом судить о том, насколько обоснованными являются теоретические соображения о мобилизационном использовании политических машин. Регрессионные коэффициенты говорят о том, что жители крупных городов (при прочих равных условиях, определяемых переменными социальной демографии) были в меньшей степени склонны к участию в голосовании, чем избиратели в малых городах и особенно на селе. В больших городах это делали 38 % жителей, тогда как на селе 55 %. Возможное объяснение этого расхождения связано с предположением об использовании властями политических машин для мобилизации зависимого от них электората. Но есть и другие трактовки. Различия между городскими и сельскими избирателями обусловлены

изменением институционального контекста перед выборами ГД 2016 г. — неудобное для горожан время голосования в середине сентября. Кроме того, избирательная активность на селе может усиливаться вследствие больших социальной интеграции и социального контроля за соблюдением одобряемых гражданских норм.

С предположением о задействовании политических машин, как показывают коэффициенты для признака места работы, согласуются обнаруженные различия между работниками, с одной стороны, частного сектора экономики, менее склонных к участию в голосовании (самостоятельная занятость — голосовали 34 %, частная фирма — 42 %), и с другой — государственных предприятий, общественных учреждений и системы управления, которые чаще отправлялись на избирательные участки (52, 50 и 56 % соответственно). Возможно, такое структурирование было более выразительным в определенных регионах, однако рассматриваемые опросные данные не позволяют прояснить этот вопрос. В то же время электоральная активность зависящих от государства избирателей может стимулироваться не только машинной мобилизацией, но и их большей заинтересованностью принимаемыми политическими решениями — в силу самой этой зависимости.

Наконец, утверждение о задействовании политических машин применительно к этническим меньшинствам нашими результатами не подтверждается — вероятность участия в выборах их представителей оказалась даже меньшей (43 %), чем русского большинства (50 %). Любопытно, что дополнительный регрессионный анализ (результаты не приводятся) с включением в состав независимых факторов указания на проживание опрошенных в одном из федеральных округов также говорит о меньшей, а не большей явке в национальных республиках Северного Кавказа (по официальным сведениям, входящие в этот округ республики демонстрировали на думских выборах в 2016 г. уровень участия (см., например: [Turovsky, Korneeva 2018: 379–382, tabl. 2]), намного превышающий общероссийское значение: Дагестан — 88,0 %, Ингушетия — 81,4 %, Кабардино-Балкария — 90,1 %, Карачаево-Черкесия — 93,3 %, Республика Северная Осетия — Алания — 85,6 %, Чеченская республика — 94,9 %, и только в Ставропольском крае, тоже причисленному к этому административному образованию, этот показатель был низким, составляя 41,9 %, но доля его жителей — около 28 % от всего населения округа, так что средняя явка по Северному Кавказу должна быть выше, чем в других округах). Поскольку в общероссийском

опросе округа не репрезентировались, к представленным результатам следует относиться с большой осторожностью (среди опрошенных, например, могли преобладать жители Ставрополья). Тем не менее описанные факты, характеризующие этнический фактор, еще раз ставят вопрос о том, свидетельствуют ли высокие значения явки в национальных республиках о машинной политике или же они являются следствием масштабных фальсификаций, на что указывают представленные результаты.

На следующем шаге нам предстоит сопоставить социальное структурирование участия в парламентских выборах в России и некоторых странах Центральной, Восточной и Западной Европы и выяснить, есть ли между ними принципиальные отличия и чем это может быть обусловлено. В частности, осуществлялась дополнительная проверка тезиса о машинной политике, которая может проявляться и в других посткоммунистических странах, где демократический режим не является консолидированным. Предполагалось, что в таких странах, как и в России, политические машины могут использоваться для мобилизации сельских жителей и работников государственных секторов. По сведениям Freedom House [2022], к настоящему времени в категорию «переходные или гибридные режимы» входят (с самыми низкими значениями семибалльного индекса демократии среди участников ESS из Центральной и Восточной Европы) такие страны, как Венгрия (оценка демократии по семибалльной шкале 3.68), Сербия (3.79) и Черногория (3.82), а к разряду «консолидированные демократии» (с наибольшими значениями среди этой группы стран) — Чехия (5.54), Словакия (5.71) и Эстония (6.00). В консолидированных режимах, как ожидается, различия, связанные с участием в парламентских выборах по признакам места жительства и занятости в государственных секторах, проявляться не будут. Не должны они проявляться и в сложившихся западных демократиях, хотя их также имеет смысл подразделить на две группы — в одну войдут страны, в которых в недавнем прошлом обнаруживалась клиентелистская политика, а в другую — конкурентные демократии. Как отметил Г. Китшелъг, в отличие от большинства стабильных западных демократий, где электоральная политика характеризуется конкуренцией партийных программ, как это происходит, например, в скандинавских странах, в некоторых развитых капиталистических государствах, среди которых Италия, Австрия и Бельгия, на выборах второй половины прошлого столетия отчетливо проявлял-

ся клиентелизм, благоприятные условия для которого — политизация государственной интервенции в экономику и социальной защиты, однако в 1990-е годы он теряет свое значение вследствие уменьшения важности и эффективности «кооперативной» рыночной экономики и повышения либеральной [Kitschelt 2007]. В соответствии с этим указанием в нашей работе рассматривались Австрия и Италия, знакомые с клиентелизмом, а также западные страны с разными избирательными системами и уровнями участия в парламентских выборах, включая Швейцарию, Францию и представляющие скандинавские демократии Норвегию и Швецию.

Результаты регрессионного анализа с интересующим нас набором структурных переменных для шести посткоммунистических стран приводятся в таблице 3. Они во многом напоминают закономерности, описываемые западной теоретической моделью.

Так, половая дифференциация участия в выборах почти во всех странах существенного значения не имеет, хотя в Чехии и Венгрии мужчины чуть более активны, чем женщины. Повсюду выборы чаще игнорируют представители младшей возрастной категории, а приходят на них, как правило, избиратели зрелого и старшего возраста, причем в полудемократических странах такое структурирование выражено менее отчетливо, чем в консолидированных демократиях, где хорошо просматривается возрастной градиент участия — оно постепенно нарастает при переходе от одной возрастной категории к следующей. В сложившихся демократиях — Эстонии, Словении, Чехии — отчетливо виден и образовательный градиент — переход с одного образовательного уровня на более высокий последовательно повышает вероятность голосования. Напротив, в неустановившихся режимах, включая Сербию, Черногорию и Венгрию, различия по образованию оказались невыраженными, что, возможно, говорит о демобилизации образованного сегмента, недовольного тем, как работают в стране демократические институты, и мобилизации избирателей с невысоким образовательным уровнем вследствие материальной депривации или задействования клиентелистских механизмов. Материальное благополучие, как видно по воздействию на электоральную активность показателя воспринимаемого уровня жизни, способствует в ряде стран этой активности, но не в Черногории и Словении.

В отличие от России, на парламентские выборы в государствах Восточной и Центральной Европы ходят примерно в равных пропорциях

избиратели, проживающие на селе, в небольших и в крупных городах, исключая Эстонию, в которой жители крупных городов оказались более вовлечены в избирательный процесс, чем сельский электорат и проживающие в малых городах. Эти факты не согласуются с нашим предположением о том, что мобилизация властями сельских жителей с помощью клиентелистских средств будет проявляться в неустоявшихся демократиях. В то же время другое предположение, согласно которому о машинной мобилизации могут свидетельствовать повышенные показатели голосования в публичном секторе и на государственных предприятиях, отчасти находит подтверждение. Если в консолидированных режимах Словении и Чехии занятость в этих секторах не повышает электорального участия, то в Сербии и Черногории такие зависимости действительно можно обнаружить. В это предположение не вписываются, однако, отсутствие связи места работы с голосованием в Венгрии, а также повышенная активность в эстонском публичном секторе.

Регрессии для стран Западной Европы, включающие тот же набор переменных, представлены в таблице 4. Они лишний раз подтверждают известные зависимости, свидетельствуя об очень отчетливом социальном структурировании участия в парламентских выборах.

Половые отличия опять же являются несущественными, хотя в Швейцарии мужчины чуть более активны, чем женщины. А вот возрастной градиент выражен с полной определенностью в Австрии, Швейцарии, Франции и Норвегии. В Италии с большей выразительностью, чем в других странах, проявляется криволинейная связь возраста с голосованием — наиболее активными оказались люди старшего возраста (60–69 лет), а пожилые из следующей категории (70+ лет) заметно им уступают и ходят на выборы не чаще, чем представители младших возрастных групп. В Швеции, несмотря на постепенное повышение участия с возрастом, наиболее выразительными были расхождения между самой младшей когортой, менее склонной голосовать, и избирателями зрелого и старшего возраста. С хорошей отчетливостью проступают и образовательные дифференциации, демонстрирующие, что электоральная активность выше у граждан с достаточно высоким уровнем образования, и при его снижении участие постепенно сокращается. Менее выразительны различия по признаку воспринимаемого уровня жизни, тем не менее, в четырех странах с большей вероятностью примут участие в голосовании люди, которым доходы позволяют жить, не испытывая материальных затруднений, чем те, кому трудно живется на свои доходы.

Участие в выборах парламентов стран Центральной и Восточной Европы:
значение социальной структуры

ПЕРЕМЕННЫЕ	Сербия	Черногория	Венгрия	Эстония	Словения	Чехия
Константа	-0.21	1.27	0.48	1.18***	2.14***	1.28***
ПОЛ (М)	0.17	0.12	0.27*	-0.16	-0.11	0.27**
ВОЗРАСТ:						
до 30 лет	-0.94***	-1.47***	-0.64**	-1.42***	-1.95***	-1.80***
30-39	-0.40	-0.86*	-0.40	-0.45*	-1.41***	-1.35***
40-49	-0.30	-0.94*	-0.13	-0.22	-1.41***	-0.86***
50-59	-0.11	-0.85*	0.28	-0.43*	-0.68**	-0.97***
60-69	0.21	0.03	0.62***	-0.24	-0.18	-0.23
70+ лет						
ОБРАЗОВАНИЕ:						
Не выше нижнего среднего	0.24		-1.71**	-1.71***	-1.93***	
Нижнее среднее	0.21	0.37	-0.66	-1.42***	-1.81***	-0.85**
Нижн. уровень верхнего среднего	0.21	0.92	-0.58	-1.40***	-1.36***	-1.03***
Верх. уровень верхнего среднего	0.27	0.65	-0.26	-0.91***	-0.89**	-0.44*
Продвинутое профессиональное	0.71*	0.30	-0.00	-0.82***	-1.06**	-0.36
Высшее, бакалавриат	0.11	0.54	0.66	0.17	-0.41	0.00
Высшее, магистратура+						

ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ:									
Живем без загрождений	0.64**	-0.61	0.72*	0.78**	0.15	0.76***			
Дохода хватает	0.29	-0.48	0.86**	0.98***	0.09	0.56**			
Трудно	0.14	-0.52	0.23	0.39	0.07	0.31			
Жить очень трудно									
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА									
Село, ферма	-0.09	0.43	-0.05	-0.30*	-0.26	0.21			
Малый город	-0.05	0.38*	-0.01	-0.39**	-0.27	-0.05			
Крупный город									
РАБОТА (СЕКТОР)									
Центр, местные органы власти	1.14***	1.00**	0.24	0.21	0.44	0.09			
Общественный сектор	0.50*	1.58***	-0.22	0.62*	0.19	0.03			
Государственное предприятие	0.29*	0.13	0.34	-0.04	0.04	-0.19			
Самостоятельная занятость	-0.02	-0.12	0.00	0.12	-0.07	-0.30			
Частная фирма									
Nagelkerke R Square	0.076	0.150	0.115	0.175	0.150	0.121			
N	1146	823	1378	1577	1102	2009			

В клетках таблицы — коэффициенты логистических регрессий, зависимая переменная — участие (1) / неучастие (0) в последних перед опросом национальных парламентских выборах (среди имеющих право голоса). Независимые переменные: курсив — референтные категории. Уровни значимости *** 0.001, ** 0.01, * 0.05.

Участие в парламентских выборах в Западной Европе: социальные различия

ПЕРЕМЕННЫЕ	Австрия	Италия	Швейцария	Франция	Норвегия	Швеция
Константа	2.09***	1.12**	0.18	0.36	2.89***	2.50**
ПОЛ (М)	0.20	0.16	0.34*	0.12	-0.21	-0.37
ВОЗРАСТ:						
до 30 лет	-1.58***	0.03	-1.73***	-2.47***	-1.35***	-1.29***
30-39	-1.12***	0.02	-1.67***	-1.91***	-1.51***	-0.67
40-49	-0.83***	0.18	-1.20***	-1.61***	-1.08***	-0.22
50-59	-0.35	0.42*	-0.82***	-1.26***	-0.66*	-0.33
60-69	0.19	0.75***	-0.06	-0.47*	0.32	-0.23
70+ лет						
ОБРАЗОВАНИЕ:						
Не выше нижнего среднего	-1.70**	-1.24***	-1.21*	-1.36***	-2.18***	-1.37**
Нижнее среднее	-1.73***	-1.15***	-1.35***	-1.11***	-2.18***	-1.89***
Нижн. уровень верхнего среднего	-0.97***	-1.06***	-0.92***	-1.08***	-1.00***	-0.57
Верх. уровень верхнего среднего	-0.44	-0.65*	-0.50	-0.82***	-1.27***	-0.29
Продвинутое профессиональное	-0.75*	-0.05	-0.46	-0.40	-1.50***	-0.60
Высшее, бакалавриат	-0.26	-0.24	-0.50	-0.42	-0.72*	-0.52
Высшее, магистратура+						

ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ:									
Живем без затруднений	1.01**	0.69**	1.38**	1.45***	0.49				1.31
Дохода хватает	0.56	0.48*	0.98*	1.05**	0.16				0.59
Трудно	0.05	-0.21		0.67	-0.31				0.08
Жить очень трудно									
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА									
Село, ферма	0.26	0.15	-0.03	0.60***	0.24				-0.15
Малый город	-0.02	0.33*	-0.27	0.25	0.27				0.18
Крупный город									
РАБОТА (СЕКТОР)									
Центр., местные органы власти	0.53*	0.26	0.89***	0.73***	0.45				-0.12
Общественный сектор	0.71*	0.28	0.91***	0.67**	-0.15				-0.34
Государственное предприятие	0.11	-0.00	0.08	0.49*	-0.28				-1.44***
Самостоятельная занятость	0.27	-0.04	0.26	0.14	0.29				0.87
Частная фирма									
Nagelkerke R Square	0.170	0.112	0.221	0.247	0.172				0.149
N	2175	1796	1038	1628	1182				1266

В клетках таблицы — коэффициенты логистических регрессий, зависимая переменная — участие (1) / неучастие (0) в последних перед опросом национальных парламентских выборах (среди имеющих право голоса). Независимые переменные: курсив — референтные категории. Уровни значимости *** 0.001, ** 0.01, * 0.05.

В Норвегии и Швеции коэффициенты для градаций этого признака оказались статистически незначимыми, что, возможно, связано с активностью менее обеспеченных избирателей, заинтересованных в усилении левоцентристских партий и укреплении сильного социального государства.

Разделение на горожан и сельских жителей, как нами и предполагалось, в западных демократиях не играло существенной роли — на селе доля голосующих была не выше, чем в городах, за одним исключением — во Франции она отличалась в большую сторону. В соответствии с нашими ожиданиями в половине изучавшихся стран дифференциация по месту работы была несущественной, а в Швеции работники государственных предприятий даже реже ходили голосовать, чем занятые в частных фирмах. Однако, вопреки предположениям, в трех других странах она оказалась связанной с голосованием. И не только в Австрии, знакомой в недавнем прошлом с клиентелизмом, где работников общественного сектора и управленческих структур можно было с большей вероятностью встретить на выборах, чем представителей частного сектора. Такие различия заметны и в Швейцарии, а также во Франции, в которой не только занятые в общественном и управленческом секторах, но и на государственных предприятиях проявляли повышенную электоральную активность. Хотя невысокая явка, характерная для этих двух стран (вследствие мажоритарной избирательной системы во Франции и слабого влияния в Швейцарии парламентских выборов на реальную политику, зависящую в большей мере от референдумов), могла побуждать власти к мобилизации зависимых от нее избирателей, такое понимание не согласуется с отсутствием в научной литературе указаний на клиентелизм применительно к этим странам. Вероятно, при общей низкой активности избирателей более рельефно начинают проступать различия, связанные с отстаиванием своих политических интересов социально-культурными специалистами — укрепляющегося в развитых западных странах профессионально-классового слоя, многие представители которого заняты в общественном секторе. При программных выборах в Западных демократиях электоральная активность тех или иных общественных слоев главным образом зависит от расстановки политических сил, представительства партиями позиций избирателей, остроты партийной конкуренции, значимости выборов и др., так что причины обнаруженных нами различий могут лежать совсем в иной плоскости, чем в нашей стране.

Таким образом, в России, как и в европейских странах, проявляются электоральные неравенства, обусловленные социальной демографией, причем в западных демократиях с большей отчетливостью, чем в странах Восточной и Центральной Европы, особенно тех, где демократический режим остается неконсолидированным. В согласии с теоретической моделью на парламентские выборы с большей вероятностью приходят избиратели зрелых и старших возрастов и гораздо реже — молодые люди, электоральному участию способствует также высокое образование. В нашей стране большую активность на выборах проявляют сельские жители и работники государственных предприятий и общественного сектора в отличие от тех, кто живет в крупных городах и работает в частных фирмах, что можно считать косвенным подтверждением тезиса о машинной мобилизации, хотя ему противоречит анализ этнических отличий. Попытка проверить этот тезис при обращении к странам Центральной, Восточной и Западной Европы приводит к неоднозначным результатам. Одни зависимости с ним согласуются, однако другие свидетельствуют об особенностях электорального структурирования, обусловленного, скорее всего, иными, не имеющими отношения к машинной мобилизации причинами.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ И МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ

Регрессионные решения, свидетельствующие о влиянии на участие в выборах ГД 2016 г. переменных, характеризующих связи опрошенных с добровольными организациями и их отношение к политике, представлены в таблице 5. Модель 4, служащая основой для сопоставлений, вновь дает возможность оценить значение демографических и социально-структурных факторов, описанных выше, но в ней они выражены непрерывными шкалами или дихотомиями. С возрастом, как уже нам известно, избирательная активность возрастает, однако включение в уравнение квадрата этой переменной с полной определенностью говорит о криволинейном характере зависимости между ними — в старости люди перестают активно голосовать. Подтверждаются зависимости, указывающие на неравенства по социально-экономическому статусу — вероятность участия в выборах повышается с ростом образования и материального благополучия, а также обнаруживаются отличия между

жителями крупных городов, менее вовлеченных в выборы, и избирателями из небольших населенных пунктов и сел.

К базовым факторам в модели 5 добавлены еще два, фиксирующие мобилизационные воздействия посредством учета вовлеченности респондентов в деятельность профсоюзов, работу политических партий и общественных организаций. Это приводит к некоторому улучшению объяснительных возможностей регрессии (Nagelkerke R^2 возрастает с 0.108 до 0.129), показывая, что избиратели, связанные с добровольными ассоциациями, заметно чаще приходят к избирательным урнам. Так, различия (рассчитанные с помощью Generalized Linear Models при средних значениях переменных социальной демографии) составляют по признакам членства в профсоюзе 56 и 72 %, а работы в партии или другой общественной организации — 54 и 72 %.

Результаты анализа мотивационного блока отражает модель 6, в которой набор независимых переменных расширяется благодаря включению в уравнение показателей интереса опрошенных к политике, их представлений о степени открытости политической системы влиянию граждан и доверия парламенту. Они играют важную роль (Nagelkerke R^2 существенно увеличивается — до значения 0.186), побуждая к голосованию тех, кого интересует политика, кто полагает, что политические институты в нашей стране позволяют людям влиять на принимаемые властями решения, и у кого ГД вызывает доверие. Объединив эти три индикатора в общий пятипозиционный индекс политической мотивации, указывающий на ее слабость у многих наших сограждан, можно рассчитать процентные значения голосования (вновь в Generalized Linear Models при средних значениях прочих переменных), которые на полюсах — при низкой и высокой мотивации голосования — равняются соответственно 44 и 81 %.

Дальнейшее значительное расширение объяснительных возможностей регрессии в модели 7 (значение Nagelkerke R^2 резко увеличивается — с 0.186 до 0.329) было связано с влиянием на электоральное участие признака партийной идентификации. На выборы ходили многие из тех, кто указал, что среди партий есть организация, которая им ближе других, тогда как люди, не идентифицирующие себя ни с какой из них, делали это гораздо реже. В процентном отношении это разделение оказалось одним из самых отчетливых среди рассмотренных ранее социальных дифференциаций и составляет (результаты Generalized Linear Models при средних значениях контролируемых переменных)

Таблица 5

Голосование на выборах ГД: мобилизация и мотивации

ПЕРЕМЕННЫЕ	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
Константа	-3.15***	-3.11***	-3.68***	-4.02***
Пол (М)	-0.09	-0.08	-0.24*	-0.25*
Возраст (лет; 0,1)	4.97***	4.77***	4.89***	4.51***
Возраст в квадрате	-2.84**	-2.52**	-3.06**	-3.20**
Образование (лет; 0,1)	2.06***	1.85***	1.46**	1.87***
Оценка доходов (как позволяют жить; 0,1)	0.60***	0.55***	0.23	0.37
Место жительства (малый город, село)	0.48***	0.46***	0.48***	0.57***
Членство в профсоюзе		0.70***	0.64***	0.56**
Работа в общ. организации, партии		0.78***	0.55**	0.26
Интерес к политике (0, 1)			1.11***	0.62***
Открытость системы влиянию граждан (0, 1)			1.07***	0.86**
Доверие парламенту (0, 1)			0.89***	0.47*
Есть партия, которая ближе других				1.75***
Nagelkerke R ²	0.108	0.129	0.186	0.329
N	2212	2187	2072	1955

В клетках таблицы — коэффициенты логистических регрессий, зависимая переменная — участие (1) / неучастие (0) в выборах ГД 2016 г. (среди имеющих право голоса). Уровни значимости *** 0.001, ** 0.01, * 0.05.

83 и 45 % соответственно. Отметим, что в седьмой модели заметно уменьшаются коэффициенты, характеризующие мотивационные факторы. Это говорит о достаточно тесной связи между этими факторами и партийной идентификацией, вероятно она способствует интересу к политике, уверенности в определенной открытости политической системы и доверию ГД и через их посредничество, как и напрямую, оказывает воздействие на решение об участии в голосовании.

Дополнительный анализ позволяет прояснить некоторые особенности избирателей, имеющих партийную идентификацию. Она довольно тесно связана с возрастом (Pearson's $R = 0.26$, $p < 0.000$): если в когорте молодых людей (до 30 лет) о существовании близкой им партии сообщили только 27 %, то этот показатель, постепенно повышаясь в последующих возрастных категориях, достигает среди самых старших (70+ лет) значения в 64 %. Среди тех, кто сумел указать близкую партию (напомним, их около двух пятых выборки), преобладающее большинство выбрали «Единую Россию» — 59 %, ЛДПР и КПРФ назвали по 14 %, «Справедливую Россию» — 5 %, а из остальных партий можно упомянуть разве только «Коммунистов России» — 3 % и «Яблоко» со значением менее двух процентов. Как видим, при выборах ГД наиболее активны те избиратели, которые идентифицируют себя с одной из парламентских партий, прежде всего с «Единой Россией».

Сравнение основных факторов электорального участия, определяемых теоретической моделью «ресурсы-мотивации-мобилизация», в четырех посткоммунистических странах, включая Россию, и четырех западных демократиях, позволяющее прояснить его особенности в нашей стране, представлено в таблице 6. Приведенные результаты логистического регрессионного анализа хорошо согласуются с этой моделью, свидетельствуя об общих для многих европейских стран закономерностях.

Так, регрессионные коэффициенты вновь указывают на незначительные отличия повсюду между мужчинами и женщинами и на повсеместное существование значительных возрастных различий — во всех странах избиратели младших возрастов намного реже ходят на парламентские выборы, чем представители старших категорий. Причем в Восточной и Центральной Европе, как и в России, зависимости голосования от возраста являются криволинейными — нарастание продолжается до определенной возрастной границы, после которой активность начинает снижаться. В западных демократиях такое снижение наблюда-

ется неотчетливо, статистически значимым коэффициент у квадрата возраста оказался в одной только Испании. Это, вероятно, объясняется активным долголетием избирателей в развитых западных странах, тогда как посткоммунистические общества отличаются от них более низкими показателями состояния здоровья, особенно среди пожилых людей (Русинова, Сафронов 2019: 148–150).

В разных частях Европы обнаруживаются также заметные образовательные неравенства — вероятность участия индивида в голосовании увеличивается по мере нарастания суммарного числа лет, в течение которых происходило его обучение в формальных образовательных учреждениях. В нескольких странах — России, Болгарии, Франции — жители крупных городов менее склонны к участию в выборах, чем избиратели из небольших населенных пунктов, но в других они, наоборот, более активны или же между теми и другими различия несущественны. Членство и работа в общественной организации способствуют мобилизации избирателей в развитых странах Европы, а среди посткоммунистических государств разве только в России, в какой-то мере — Болгарии, но не в Польше и Венгрии. Важную дифференцирующую роль, сходную в разных местах Европы, играют мотивационные факторы. Люди, не интересующиеся политикой, считающие, что политическая система не позволяет гражданам влиять на происходящее, и не доверяющие парламенту, гораздо реже голосуют при его избрании, чем те, кто придерживается противоположных взглядов. Наконец, электоральная активность во всех странах зависит от партийной идентификации — вероятность встретить на избирательных участках тех, кто способен указать близкую политическую партию, намного выше по сравнению с теми, кто этого сделать не может.

Таким образом, теоретическая модель электоральной активности, учитывающая влияние возрастных и образовательных различий, а также мотивационных факторов, включая и партийную идентификацию, в целом хорошо объясняет, кто в странах Центральной, Восточной и Западной Европы склонен голосовать на национальных парламентских выборах и кому такая активность не свойственна. Об этом говорят заметные значения Nagelkerke R^2 , в Венгрии равное 0.54, Болгарии — 0.40, Польше — 0.36 и 0.33 в России. В странах Западной Европы они, как правило, ниже, но также немаленькие — 0.20 в Испании, 0.27 во Франции, 0.29 в Германии и 0.39 в Финляндии. Причем в посткоммунистической Европе этот показатель заметно увеличивался как

Участие в выборах парламентов стран Восточной и Западной Европы: социальные и attitudные различия

ПЕРЕМЕННЫЕ	Россия	Болгария	Польша	Венгрия	Германия	Финляндия	Франция	Испания
Константа	-4.05***	-3.79***	-4.55***	-2.84***	-4.55***	-5.99***	-3.89***	-2.20***
Пол (М)	-0.20	-0.09	0.01	0.01	-0.46***	-0.19	-0.04	-0.08
Возраст (лет; 0,1)	4.38***	7.46***	4.88***	5.63***	3.07***	5.66***	4.03***	3.91***
Возраст в квадрате	-3.07**	-7.26***	-2.72	-5.47***	-1.03	-2.12	-1.00	-2.18*
Образование (лет; 0,1)	2.06***	1.87***	2.55***	2.33***	4.91***	3.14***	1.13**	0.69*
Место жительства (малый город, село=1)	0.57***	0.56***	0.14	-0.33*	0.13	-0.34*	0.27*	0.07
Связи с общественной организацией	0.49***	0.68	-0.00	-0.35	0.56***	0.78***	0.39**	0.47**
Индекс политических мотиваций (0,1)	2.05***	2.22***	3.81***	2.18***	3.24***	5.56***	3.12***	2.29***
Есть партия, которая ближе других	1.71***	2.49***	1.58***	6.09***	0.54***	0.57***	0.51***	0.99***
Nagelkerke R Square	0.329	0.404	0.355	0.539	0.294	0.387	0.265	0.196
N	2123	1754	1211	1469	2068	1543	1660	1376

European Social Survey (ESS) 2018–2019, Россия — 2016–2017. В клетках таблицы — коэффициенты логистических регрессий, зависимая переменная — участие (1) / неучастие (0) в последних перед опросом национальных парламентских выборах (среди имеющих право голоса). Уровни значимости *** 0.001, ** 0.01, * 0.05.

при включении в уравнение регрессии мотивационного фактора, так и — еще в большей мере — партийной идентификации, а в западных демократиях главным образом при учете мотиваций. Для участия в выборах в России и других странах Центральной и Восточной Европы избирателю особенно важно чувствовать близость с определенной политической партией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование затрагивает проблему активности российских граждан на выборах Государственной Думы РФ. Особенно низкий показатель участия в сентябре 2016 г. указывает на благоприятные условия для анализа факторов, способствующих и препятствующих электоральной активности. На невысокую явку повлияли институциональные изменения, вызвавшие демобилизацию избирателей, и это обострило социально-структурные неравенства и размежевания по политическим взглядам, отражающие решения наших сограждан об участии в думских выборах.

В предшествующих работах, посвященных электоральным неравенствам в России, рассматривались вопросы о причинах абсентеизма, которые анализировались с использованием данных представительных опросов, и завышенной явки на выборы во многих национальных республиках и других административных образованиях. Избирательная пассивность связывалась преимущественно со слабой мотивацией наших сограждан, не интересующихся политикой и не доверяющих политическим институтам, а высокие районные и региональные показатели объяснялись использованием властями политических машин для мобилизации зависимого от них электората. При этом недостаточно изученными оставались другие факторы, включенные в западную теоретическую модель, а предположение о машинной политике заслуживало дополнительной проверки при обращении к индивидуальным данным.

В работе представлена попытка прояснить эти вопросы с помощью анализа поведения российских избирателей на выборах ГД 2016 г., зафиксированного в репрезентативном опросе Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS) в начале следующего года. Выявленные зависимости соотносятся с закономерностями, проявляющимися в ряде стран Центральной, Восточной и Западной Европы,

в которых также проводились национальные опросы по программе ESS. Результаты логистического регрессионного анализа показывают, что электоральная активность в России, как и в посткоммунистических европейских странах, хорошо объясняется с помощью ключевых переменных, составляющих базовую теоретическую модель, сформулированную в исследованиях западных демократий.

В голосовании, согласно полученным в нашей стране фактам, менее склонны участвовать молодые люди, и с повышением возраста активность постепенно нарастает, снижаясь затем в самых старших категориях. Более высокий образовательный уровень также составляет важное условие активности при голосовании. Возможности мобилизации избирателя, обусловленные связями индивида с добровольными ассоциациями, в свою очередь способствуют электоральной активности. Ключевые переменные, объясняющие индивидуальные различия между теми, кто ходит на выборы, и людьми, в них не участвующими, связаны, как отмечалось и в предшествующих работах, с мотивацией — участие предполагает, что человек интересуется политикой, уверен в открытости политической системы для влияния граждан и с доверием относится к Государственной Думе. Но самый важный фактор — это партийная идентификация. Голосовать ходят те, кто полагает, что среди политических партий есть организация, которая им ближе других. Преобладающее большинство идентификаций относится к «Единой России» и трем другим думским партиям (в пропорциях, примерно соответствующих отданным им голосам). О наличии близкой партии сообщают, как правило, люди старших возрастов, что связано, вероятно, с подчеркиванием властями важности политики, направленной на защиту уязвимых слоев населения, и ее реализацией в определенных пределах. Мотивационные факторы определяют активность избирателей и в других посткоммунистических европейских странах, причем партийная идентификация играет, как и у нас, очень важную роль. В западных демократиях описанные переменные также объясняют участие в парламентских выборах (хотя партийная идентификация здесь менее важна, чем в посткоммунистических демократиях), и все это подтверждает возможность общего теоретического объяснения электорального поведения в Европе.

В нашей стране, согласно проведенному анализу, повышенное участие в думских выборах, было характерно для жителей села и работников государственных предприятий, общественного сектора и управлен-

ческих структур, что подтверждает закономерности, выявленные при рассмотрении районной-региональной статистики и проведении опросных экспериментов. Такие различия можно трактовать как подтверждение теоретических представлений, объясняющих их электоральной мобилизацией властями зависимого населения. Однако предполагаемого влияния важнейшего в теории фактора, указывающего на принадлежность к этническим меньшинствам и регионам, обнаружить не удалось. За этим, скорее всего, стоят особенности рассматриваемых опросных данных, репрезентирующих страну и не позволяющих проанализировать расхождения между субъектами федерации. В то же время в повестке остается предположение о масштабном использовании властями не только машинной политики, но и фальсификаций. Сравнительный анализ России с переходными политическими режимами и консолидированными демократиями в Центральной, Восточной и Западной Европе также не приводит к убедительному подкреплению предположений о работе политических машин. Большая электоральная активность на селе и в государственном-общественном секторах проявлялась не только в некоторых полудемократических посткоммунистических режимах, но и в развитых западных странах, объяснение чему следует, вероятно, искать за рамками представлений о воздействии на политическое поведение машинной мобилизации.

Литература

Алексеев Р.А. Избирательные кампании парламентских выборов (1993–2016 гг.) и особенности электорального поведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 195–206. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-3-195-206>.

Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Электоральный абсентеизм в России и способы его преодоления (на материалах президентских выборов 2000–2012 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 4 (1). [Электронный журнал]. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2016-4-1037>.

Алексеев Р., Абрамов А. Электоральный абсентеизм на президентских и парламентских выборах в России (избирательные кампании с 1993 по 2018 г.): причины, последствия, способы преодоления // Постсоветский материк. 2018. № 4. С. 43–57.

Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Вестник общественного мнения. 2012. № 1. С. 5–31.

Кулагина Е.А. Политическая культура россиян: мотивация участия/неучастия в выборах // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 4. С. 20–29.

Мамонов М., Гаврилов И., Вядро М. Эволюция политического поведения россиян в электоральном цикле 2016–2018 гг. // Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. Валерия Федорова. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 15–104.

Милаева О.В., Сиушкин А.Е., Андросова Л.А. Модель «электорального бес-силія»: к вопросу об абсентеистском поведении россиян на выборах // Политика и Общество. 2017. № 7. С. 28–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20831>.

Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте // Вестник Института социологии. 2019. № 28. С. 139–161. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.562>.

Сафронов В.В. Неравенства электорального участия в России: Обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 56–95. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.3>.

Сироткина Е.В., Карандашова С.А. Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 76–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>.

Шкель С.Н. Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 49–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.05>.

Шкель С., Щербак А., Ткачева Т. Анатомия лояльности: механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 1. С. 38–70. <https://doi.org/10.17323/1728-192x--2022-1-38-70>.

Шпилькин С. Двугорбая Россия // Троицкий вариант-Наука. 2016. № 214. URL: <https://trv-science.ru/2016/10/dvugorbaya-rossiya> (дата обращения: 25.11.2022).

Allina-Pisano J. Social contracts and authoritarian projects in post-Soviet space: The use of administrative resource // Communist and Post-Communist Studies. 2010. Vol. 43. P. 373–382. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.001>.

Banducci S.A., Karp J.A. Electoral Systems, Efficacy, and Voter Turnout // The Comparative Study of Electoral Systems / ed. by H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2009. P. 109–134.

Birch S. Elections and Voters // Developments in Central and East European Politics 5 / ed. by S. White, P.G. Lewis, J. Batt. Durham: Duke University Press, 2013. P. 156–170.

Birch S. Elections and Electoral Participation // The Routledge Handbook of East European Politics / ed. by A. Fagan, P. Kopecký. London; New York: Routledge, 2018. P. 157–168.

Blais A. What Affects Voter Turnout? // Annual Review of Political Science. 2006. Vol. 9. P. 111–125. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.070204.105121>.

Blais A. Turnout in Elections // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2007. P. 621–635. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033>.

Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p.

Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political Equality and Turnout // *The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies* / ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen. New York: Oxford University Press, 2020. P. 396–412.

Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. 576 p.

Cancela J., Geys B. Explaining Voter Turnout: A Meta-Analysis of National and Subnational Elections // *Electoral Studies*. 2016. Vol. 42. P. 264–275. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.03.005>.

Colton T.J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 336 p.

Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>.

Dalton R.J. Party Identification and Its Implications // *Oxford Research Encyclopedia of Politics* / Ed. by W.R. Thompson. 2021. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.72>.

Dinas E. The Acquisition of Voting Habits // *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion* / ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London and New York: Routledge, 2018. P. 108–119.

Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American Elections*. New Haven: Yale University Press, 1981. 249 p.

Franklin M.N. with assistance from van der Eijk C., Evans D., Fotos M., Hirczy de Mino W., Marsh M., Wessels B. *Voter Turnout and the Dynamics of Electoral Competition in Established Democracies since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 277 p.

Freedom House. *Nations in Transit 2022: From Democratic Decline to Authoritarian Aggression*. 2022. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2022-04/NIT_2022_final_digital.pdf (дата обращения: 15.12.2022).

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // *World Politics*. 2014. Vol. 66, no. 2. P. 195–228. <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia // *British Journal of Political Science*. 2019a. Vol. 49, no. 3. P. 857–881. <https://doi.org/10.1017/S0007123416000752>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Vote Brokers, Clientelist Appeals, and Voter Turnout: Evidence from Russia and Venezuela // *World Politics*. 2019b. Vol. 71, no. 4. P. 710–746. <https://doi.org/10.1017/S0043887119000078>.

Gallego A. Unequal Political Participation Worldwide. New York: Cambridge University Press, 2015. 252 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139151726>.

Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under Authoritarianism // Annual Review of Political Science. 2009. Vol. 12. P. 403–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434>.

Geys B. Explaining Voter Turnout: A Review of Aggregate-Level Research // Electoral Studies. 2006. Vol. 25, no. 4. P. 637–663. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. 2013. Vol. 21, no. 4. P. 459–480.

Goodnow R., Moser R.G., Smith T. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia // Electoral Studies. 2014. Vol. 36. P. 15–27. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2014.05.005>.

Hale H.E. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19, no. 3. P. 228–263. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.3.228>.

Hale H.E. Correlates of clientelism: Political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition // Patrons, clients, and policies: Patterns of democratic accountability and political competition / ed. by H. Kitschelt, S. I. Wilkinson, Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 227–250.

Hutcheson D., McAllister I. Putin versus the Turnout? Mapping the Kremlin's Presidential Election Support // Russian Politics. 2018. No. 3. P. 333–358. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303002>.

Johnston R. Party Identification: Unmoved Mover or Sum of Preferences? // Annual Review of Political Science. 2006. Vol. 9. P. 329–351. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170523>.

Kaminska O. Guide to Using Weights and Sample Design Indicators with ESS Data. 2020. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1_1.pdf (дата обращения: 29.11.2022).

Kitschelt H. The Demise of Clientelism in Affluent Capitalist Democracies // Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition / ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 298–321.

Kitschelt H., Wilkinson S.I. (eds.). Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition. New York: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Kittilson M.C., Anderson C.J. Electoral Supply and Voter Turnout // Citizens, Context, and Choice: How Context Shapes Citizens' Electoral Choices / ed. by R.J. Dalton, C.J. Anderson. New York: Oxford University Press, 2011. P. 33–54.

Kostadinova T. Voter Turnout Dynamics in Post-Communist Europe // European Journal of Political Research. 2003. Vol. 42, no. 6. P. 741–759. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00102>.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66, no. 6. P. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>.

Кунев А. How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections // *Russian Politics*. 2017. Vol. 2. P. 206–226. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00202002>.

Levinson A. Public Attitudes to Politics in Russia // *Russian Politics*. 2019. No. 4. P. 42–75. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00401003>.

Martinez M.D. Why is American Turnout so Low, and Why Should We Care? // *The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior* / ed. by J.E. Leighley. New York: Oxford University Press, 2010. P. 107–124. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199235476.003.0007>.

McAllister I. Partisanship and Political Participation // *Research Handbook on Political Partisanship* / ed. by H. Oscarsson, S. Holmberg. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 266–280. <https://doi.org/10.4337/9781788111997>.

McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election // *Russian Politics*. 2017. Vol. 2, iss. 4 (Special Issue: Analyzing the 2016 State Duma Election). P. 411–433. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204002>.

Moser R.G., White A.C. Does electoral fraud spread? The expansion of electoral manipulation in Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2017. Vol. 33, no. 2. P. 85–99. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1153884>.

Myagkov M., Ordeshook P.C. Russian Elections: An Oxymoron of Democracy. Seattle, WA: The National Council for Eurasian and East European Research, 2008. 31 p. URL: https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2008_822-11_Ordeshook.pdf (дата обращения: 16.11.2022).

Northmore-Ball K. Increasingly Unequal Turnout in Eastern European New Democracies: Communist and Transitional Legacies versus New Institutions // *Electoral Studies*. 2016. Vol. 42. P. 188–200. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.01.012>.

Pacek A.C., Pop-Eleches G., Tucker J.A. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries // *The Journal of Politics*. 2009. Vol. 71, no. 2. P. 473–491. <https://doi.org/10.1017/S0022381609090409>.

Panov P., Ross C. Explanatory Factors for Electoral Turnout in the Russian Federation: The Regional Dimension // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2016. Vol. 24, no. 3. P. 351–370.

Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout // *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion* / ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018. P. 69–82.

Rogov K. Russia's 2016 Duma Elections: Ambiguous Triumph and New Challenges for the Regime // *FIIA (The Finnish Institute of International Affairs)*

Briefing Paper. 2016. № 205. URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2017/04/bp205_russia_s_2016_duma_elections.pdf (дата обращения: 16.11.2022).

Saikkonen I.A.-L. Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia // *Government and Opposition*. 2017. Vol. 52, no. 1. P. 51–74. <https://doi.org/10.1017/gov.2015.20>.

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout // *Electoral Studies*. 2013. Vol. 32, no. 2. P. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>.

Solt F. Economic Inequality and Democratic Political Engagement // *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52, no. 1. P. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.

Stockemer D. What Affects Voter Turnout? A Review Article/Meta-Analysis of Aggregate Research // *Government and Opposition*. 2017. Vol. 52, no. 4. P. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>.

Tkacheva T., Golosov G.V. United Russia's Primaries and the Strength of Political Machines in the Regions of Russia: Evidence from the 2016 Duma Elections // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71, no. 5. P. 824–839. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1613515>.

Turovsky R., Korneeva E. The Institutional Impact on Voter Turnout: The Case of Russia and Its Regions (2011–2016) // *Russian Politics*. 2018, no. 3. P. 372–395. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303004>.

Wass H., Blais A. Turnout // *The SAGE Handbook of Electoral Behaviour*. Vol. 1 / ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage, 2017. P. 459–487.

White A.C., Saikkonen I.A.-L. More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections // *Ethnopolitics*. 2017. Vol. 16, no. 5. P. 450–470. <https://doi.org/10.1080/17449057.2016.1221186>.

PARTICIPATION IN THE STATE DUMA ELECTIONS: SOCIAL INEQUALITIES, MOTIVATIONS AND MOBILIZATION

V. V. Safronov

(vsafonov@list.ru)

Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Citation: Safronov V. Uchastiye v vyborah Gosudarstvennoy Dumy: sotsial'nyye neravenstva, motivatsii i mobilizatsiya [Participation in the State Duma Elections: Social Inequalities, Motivations and Mobilization]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 121–169. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.6>

EDN ANXPUL

Abstract. *The problem of the activity of Russian citizens in the elections of the State Duma in 2016 is considered. The study is based on theoretical ideas about the dependence of electoral participation of individuals on resources-motivation-mobilization, and increased turnout in administrative units — on the mobilization of voters by political machines. Empirical data collected in the Russian representative survey under the European Social Survey program (ESS, January-March 2017) are investigated using statistical methods of logistic regression analysis. The results are compared with patterns seen in a number of countries in Central Eastern and Western Europe, which also conducted national surveys under the ESS program (Round 9). According to the revealed facts, electoral activity in Russia, as in other post-communist European countries, is well explained with the help of key variables that make up the basic theoretical model formulated in studies of Western democracies. Thus, the activity in the Duma elections increases with age, decreasing among the oldest, and with an increase in the educational level, it is higher among voters with ties to voluntary associations. Political motivations play an important role, encouraging people interested in politics, confident in the openness of the political system to the influence of citizens and trusting the State Duma to participate. The strongest factor is party identification. Those who are able to single out an organization close to them among the political parties go to vote. In addition, in our country, increased participation in the Duma elections was characteristic of rural residents and employees of state enterprises, the public sector and government structures, which confirms the theoretical assumptions*

about the mobilization of the dependent population by the authorities. However, the supposed influence of the most important factor in the theory indicating belonging to ethnic minorities and regions could not be detected. At the same time, greater electoral activity in rural areas and in the state-public sectors can be found not only in some semi-democratic post-communist regimes, but also in developed Western countries, an explanation for which should probably be sought beyond the framework of ideas about the impact of machine mobilization on political behavior.

Keywords: electoral participation, Russia, elections of the State Duma, social inequalities, motivations, party identification, mobilization, European Social Survey (ESS).

References

Alekseev R.A. Izbiratel'nyye kampanii parlamentskikh vyborov (1993–2016 gg.) i osobennosti elektoral'nogo povedeniya [Electoral campaigns of parliamentary elections (1993–2016) and features of electoral behavior]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences], 2018, 3, pp. 195–206. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-3-195-206>. (In Russian)

Alekseev R.A., Abramov A.V. Elektoral'nyy absenteizm v Rossii i sposoby yego preodoleniya (na materialakh prezidentskikh vyborov 2000–2012 gg.) [The Electoral Absenteeism in Russia and Ways to Overcome It (On materials of the 2000–2012 presidential elections)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], 2016, 4 (1) [Electronic resource]. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2016-4-1037>. (In Russian)

Alekseev R., Abramov A. Elektoral'nyy absenteizm na prezidentskikh i parlamentskikh vyborakh v Rossii (izbiratel'nyye kampanii s 1993 po 2018 g.): prichiny, posledstviya, sposoby preodoleniya [Electoral absenteeism in the presidential and parliamentary elections in Russia (election campaigns from 1993 to 2018): causes, consequences, ways to overcome]. *Postsovetskiy materik* [Post-Soviet Continent], 2018, 4, pp. 43–57. (In Russian)

Allina-Pisano J. Social contracts and authoritarian projects in post-Soviet space: The use of administrative resource, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43, pp. 373–382. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.001>.

Banducci S.A., Karp J.A. Electoral Systems, Efficacy, and Voter Turnout. *The Comparative Study of Electoral Systems*. Ed. by H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2009, pp. 109–134.

Birch S. Elections and Voters. *Developments in Central and East European Politics* 5. Ed. by S. White, P.G. Lewis, J. Batt. Durham: Duke University Press, 2013, pp. 156–170.

Birch S. Elections and Electoral Participation. *The Routledge Handbook of East European Politics*. Ed. by A. Fagan, P. Kopecký. London and New York: Routledge, 2018, pp. 157–168.

Blais A. What Affects Voter Turnout? *Annual Review of Political Science*, 2006, 9, pp. 111–125. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.070204.105121>.

Blais A. Turnout in Elections. *The Oxford Handbook of Political Behavior*. Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2007, pp. 621–635. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033>.

Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p.

Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political Equality and Turnout. *The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies*. Ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen. New York: Oxford University Press, 2020, pp. 396–412.

Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. 576 p.

Cancela J., Geys B. Explaining Voter Turnout: A Meta-Analysis of National and Subnational Elections. *Electoral Studies*, 2016, 42, pp. 264–275. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.03.005>.

Colton T.J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 336 p.

Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>.

Dalton R.J. Party Identification and Its Implications. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Ed. by W.R. Thompson. 2021. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.72>.

Dinas E. The Acquisition of Voting Habits. *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*. Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018, pp. 108–119.

Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American Elections*. New Haven: Yale University Press, 1981. 249 p.

Franklin M.N. with assistance from van der Eijk C., Evans D., Fotos M., Hirczy de Mino W., Marsh M., Wessels B. *Voter Turnout and the Dynamics of Electoral Competition in Established Democracies since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 277 p.

Freedom House. *Nations in Transit 2022: From Democratic Decline to Authoritarian Aggression*. 2022. Available at: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2022-04/NIT_2022_final_digital.pdf (accessed: 15.12.2022).

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace. *World Politics*, 2014, 66(2), pp. 195–228. <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia. *British Journal of Political Science*, 2019a, 49(3), pp. 857–881. <https://doi.org/10.1017/S0007123416000752>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Vote Brokers, Clientelist Appeals, and Voter Turnout: Evidence from Russia and Venezuela. *World Politics*, 2019b, 71(4), pp. 710–746. <https://doi.org/10.1017/S0043887119000078>.

Gallego A. *Unequal Political Participation Worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2015. 252 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139151726>.

Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under Authoritarianism. *Annual Review of Political Science*, 2009, 12, pp. 403–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434>.

Geys B. Explaining Voter Turnout: A Review of Aggregate-Level Research. *Electoral Studies*, 2006, 25(4), pp. 637–663. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2013, 21(4), pp. 459–480.

Goodnow R., Moser R.G., Smith T. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia. *Electoral Studies*, 2014, 36, pp. 15–27. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2014.05.005>.

Gudkov L., Dubin B., Zorkaya N. Rossiyskiye parlamentskiye vybory: elektoral'nyy protsess pri avtoritarnom rezhime [Russian parliamentary elections: electoral process under an authoritarian regime]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], 2012, 1, pp. 5–31. (In Russian)

Hale H.E. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy. *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19(3), pp. 228–263. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.3.228>.

Hale H.E. Correlates of clientelism: Political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition. *Patrons, clients, and policies: Patterns of democratic accountability and political competition*. Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 227–250.

Hutcheson D., McAllister I. Putin versus the Turnout? Mapping the Kremlin's Presidential Election Support. *Russian Politics*, 2018, 3(3), pp. 333–358. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303002>.

Johnston R. Party Identification: Unmoved Mover or Sum of Preferences? *Annual Review of Political Science*, 2006, 9, pp. 329–351. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170523>.

Kaminska O. Guide to Using Weights and Sample Design Indicators with ESS Data. 2020. Available at: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1_1.pdf (accessed: 29.11.2022).

Kitschelt H. The Demise of Clientelism in Affluent Capitalist Democracies. *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political*

Competition. Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. New York: Cambridge University Press, 2007, pp. 298–321.

Kitschelt H., Wilkinson S.I. (eds). *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. New York: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Kittilson M.C., Anderson C.J. Electoral Supply and Voter Turnout. *Citizens, Context, and Choice: How Context Shapes Citizens' Electoral Choices*. Ed. by R.J. Dalton, C.J. Anderson. New York: Oxford University Press, 2011, pp. 33–54.

Kostadinova T. Voter Turnout Dynamics in Post-Communist Europe. *European Journal of Political Research*, 2003, 42(6), pp. 741–759. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00102>.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement. *Europe-Asia Studies*, 2014, 66(6), pp. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>.

Kulagina E.A. Politicheskaya kul'tura rossiyan: motivatsiya uchastiya/neuchastiya v vyborah [Political culture of Russians: motivation for participation / non-participation in elections]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Monitoring], 2007, 4, pp. 20–29. (In Russian)

Kynev A. How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections. *Russian Politics*, 2017, 2(2), pp. 206–226. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00202002>.

Levinson A. Public Attitudes to Politics in Russia, *Russian Politics*, 2019, 4(1), pp. 42–75. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00401003>.

Martinez M.D. Why is American Turnout so Low, and Why Should We Care? *The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior*. Ed. by J.E. Leighley. New York: Oxford University Press, 2010, pp. 107–124. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199235476.003.0007>.

Mamonov M., Gavrilov I., Vyadro M. Evolyutsiya politicheskogo povedeniya rossiyan v elektoral'nom tsikle 2016–2018 gg. [The evolution of the political behavior of Russians in the electoral cycle of 2016–2018]. *Vybory na fone Kryma: elektoral'nyy tsikl 2016–2018 gg. i perspektivy politicheskogo tranzita* [Elections against the backdrop of Crimea: the electoral cycle of 2016–2018. and prospects for political transit]. Ed. by V. Fedorova. Moscow: VTSIOM, 2019, pp. 15–104. (In Russian)

McAllister I. Partisanship and Political Participation. *Research Handbook on Political Partisanship*. Ed. by H. Oscarsson, S. Holmberg. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 266–280. <https://doi.org/10.4337/9781788111997>.

McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election. *Russian Politics*, 2017, 2(4), pp. 411–433. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204002>.

Milayeva O.V., Siushkin A.E., Androsova L.A. Model' «elektoral'nogo bessiliya»: k voprosu ob absenteistkom povedenii rossiyan na vyborah [Model of “electoral

impotence”: on the issue of absentee behavior of Russians in elections]. *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society], 2017, 7, pp. 28–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20831>.

Moser R.G., White A.C. Does electoral fraud spread? The expansion of electoral manipulation in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 2017, 33(2), pp. 85–99. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1153884>.

Myagkov M., Ordeshook P.C. *Russian Elections: An Oxymoron of Democracy*. Seattle, WA: The National Council for Eurasian and East European Research, 2008. 31 p. Available at: https://www.ucis.pitt.edu/nceer/2008_822-11_Ordeshook.pdf (accessed: 16.11.2022).

Northmore-Ball K. Increasingly Unequal Turnout in Eastern European New Democracies: Communist and Transitional Legacies versus New Institutions. *Electoral Studies*, 2016, 42, pp. 188–200. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.01.012>.

Pacek A.C., Pop-Eleches G., Tucker J.A. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries. *The Journal of Politics*, 2009, 71(2), pp. 473–491. <https://doi.org/10.1017/S0022381609090409>.

Panov P., Ross C. Explanatory Factors for Electoral Turnout in the Russian Federation: The Regional Dimension. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2016, 24(3), pp. 351–370.

Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout. *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*. Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018. P. 69–82.

Rogov K. Russia's 2016 Duma Elections: Ambiguous Triumph and New Challenges for the Regime. *FIIA (The Finnish Institute of International Affairs) Briefing Paper*, 2016, 205. Available at: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2017/04/bp205_russia_s_2016_duma_elections.pdf (accessed: 16.11.2022).

Rusinova N.L., Safronov V.V. Problema sotsial'nykh neravenstv v zdorov'ye: sravnitel'noye issledovaniye Rossii v yevropeyskom kontekste [The Problem of Social Inequalities in Health: A Comparative Study of Russia in the European Context]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2019, no. 28, pp. 139–161. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.562>. (In Russian)

Safronov V.V. Neravenstva elektoral'nogo uchastiya v Rossii: Obzor issledovaniy v sootnesenii s zapadnymi teoreticheskimi modelyami [Inequalities of electoral participation in Russia: A review of research in relation to Western theoretical models]. *Vlast' i elity* [Power and elites], 2022, 9(2), pp. 56–95. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.3>. (In Russian)

Saikkonen I.A.-L. Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia. *Government and Opposition*, 2017, 52(1), pp. 51–74. <https://doi.org/10.1017/gov.2015.20>.

Shkel' S.N. Bastiony traditsii: etnicheskii faktor i politicheskiye mashiny v regionakh Rossii [Bastions of tradition: the ethnic factor and political machines in

the regions of Russia]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 2019, 1, pp. 49–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.05>. (In Russian)

Shkel' S., Shcherbak A., Tkacheva T. Anatomiya loyāl'nosti: mekhanizmy formirovaniya elektoral'nogo sverkhbol'shinstva v etnicheskikh respublikakh sovremennoy Rossii [Anatomy of Loyalty: Mechanisms for the Formation of an Electoral Supermajority in the Ethnic Republics of Modern Russia]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2022, 21(1), pp. 38–70. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-38-70>. (In Russian)

Shpilkin S. Rossiya s dvumya gorbami [Russia with two humps], *Troitskiy variant-Nauka* [Trinity variant-Science], 2016, 214. Available at: <https://trv-science.ru/2016/10/dvugor-baya-rossiya> (accessed: 25.11.2022). (In Russian)

Sirotkina E.V., Karandashova S.A. Loyāl'nost' elit i vybory glav regionov: rol' predvybornykh konfliktov v iskhode golosovaniya [Elite loyalty and elections of heads of regions: the role of pre-election conflicts in the outcome of voting]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 2017, 6, pp. 76–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>. (In Russian)

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout. *Electoral Studies*, 2013, 32(2), pp. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>.

Solt F. Economic Inequality and Democratic Political Engagement. *American Journal of Political Science*, 2008, 52(1), pp. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.

Stockemer D. What Affects Voter Turnout? A Review Article/Meta-Analysis of Aggregate Research. *Government and Opposition*, 2017, 52(4), pp. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>.

Tkacheva T., Golosov G.V. United Russia's Primaries and the Strength of Political Machines in the Regions of Russia: Evidence from the 2016 Duma Elections. *Europe-Asia Studies*, 2019, 71(5), pp. 824–839. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1613515>.

Turovsky R., Korneeva E. The Institutional Impact on Voter Turnout: The Case of Russia and Its Regions (2011–2016). *Russian Politics*, 2018, 3(3), pp. 372–395. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303004>.

Wass H., Blais A. Turnout. *The Sage Handbook of Electoral Behaviour. Vol. 1*. Ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage, 2017, pp. 459–487.

White A.C., Saikkonen I.A.-L. More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections. *Ethnopolitics*, 2017, 16(5), pp. 450–470. <https://doi.org/10.1080/17449057.2016.1221186>.